

ПЕНЗЕНСКІЕ ДУХИБОРЦЫ ВЪ 1816 ГОДУ.

Содержаніе настоящаго сообщенія замѣтено нами изъ дѣла, которое хранится въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія и озаглавлено такъ: *„Дѣло, по отношенію пресвященнаго епископа Пензенскаго и Саратовскаго, объ удѣльныхъ крестьянахъ духоборческой секты“*.

Настоящее дѣло насъ заинтересовало не описаніемъ самой духоборческой секты, а тѣми взглядами, какіе были высказаны по поводу этой секты бывшимъ въ то время Пензенскимъ губернаторомъ М. М. Сперанскимъ и другими лицами изъ высшихъ правительственныхъ сферъ того времени.

25 Мая 1816 года преосвященный Пензенскій Аѳанасій увѣдомилъ пси. дол. Пензенскаго губернатора Войцеховича, что свящ. с. Цокровскаго Наровчатской округи, Ульянъ Петровъ доноситъ, что въ этомъ селѣ находится: „большое количество людей богохульной иконоборной ереси, которая часъ отъ часу распространяется и увеличивается. Главной тому причинной служатъ, какъ онъ замѣчаетъ, начальнѣйшіе оной секты удѣльные крестьяне, а именно: Иванъ Марковъ, Яковъ Ѳедоровъ, Иванъ Никифоровъ, Парфенъ Ивановъ и вдова солдатка Варвара Иванова, впадшіе въ сіе заблужденіе изъ правовѣрующихъ христіанъ и, будучи объяты таковымъ ослѣпленіемъ, стараются неусыпно и прочихъ прихожанъ въ сіе душенагубное заблужденіе ввести: поелику безстрашно изрыгають на святые иконы хулы, называютъ ихъ идолами, а тѣмъ самымъ производятъ въ непросвѣщенныхъ людяхъ соблазнъ и разстройство. Нынѣ же на Св. Пасху, когда икононосцы проносили св. иконы въ приходъ для служенія молебновъ по домамъ, мимо двора крестьянина Ивана Никифорова, то нѣкоторые изъ домашнихъ его безстыдно называли оныя лопатами и съ насмѣшкою приговаривали икононосцамъ, чтобы оныя къ нимъ понесли на дворъ для помощенія оными на грязномъ мѣстѣ къ хожденію. Сверхъ того оныя иконоборцы не только св. иконамъ и животворящему Кресту Господню не поклоняются, но даже при проношеніи оныхъ мимо ихъ отвращаются отъ сей святыни съ немалымъ пренебреженіемъ и поношеніемъ“.

Далѣе преосвященный Аѳанасій дѣлаетъ такую характеристику духоборцевъ: они въ церковь не ходятъ, крестнаго знамени не творятъ, на

исповѣди и у св. причастія не бываютъ, св. иконамъ не кланяются, священника въ дома не принимаютъ, рожденныхъ младенцевъ не крестятъ, а нарекаютъ имена сами, постовъ не соблюдаютъ и съ женами живутъ произвольно безъ вѣщанія“.

Въ заключеніе преосвященный просилъ произвести слѣдствіе и, если названныя лица окажутся виновными, то поступить съ ними по законамъ, какъ съ богохульниками. Вмѣстѣ съ этимъ епископъ донесъ о духоборцахъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ князь Александръ Николаевичъ Голицинъ, признавая необходимо-нужнымъ принять дѣятельнѣйшія мѣры къ недопущенію другихъ православныхъ заразиться заблужденіемъ, увѣдомилъ Министерство Полиціи, что онъ „приличнѣйшимъ находить въ настоящемъ случаѣ принять предосторожность и главныхъ зачинщиковъ духоборческой секты удалить изъ селенія къ прочимъ, по расколу, ихъ со товарищамъ на Молочныя Воды, безъ всякаго однако наказанія; а послѣдователей ихъ, которые единственно по слѣпотѣ своей приняли ихъ лжеученіе, поручить въ особенное вниманіе мѣстнаго начальства, предоставивъ ему приличнѣйшими способами дѣйствовать къ обращенію ихъ на путь истинный и къ разрушенію впредъ вѣхъ скопищъ, какія могли бы составиться на счетъ привлеченія въ расколъ“. На основаніи такого мнѣнія г. оберъ-прокурора, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ (онъ же управляющій Министерствомъ Полиціи) предложилъ Пензенскому губернатору „принявъ оное (т. е. сообщеніе оберъ-прокурора) въ особенное ваше вниманіе поступить по оному надлежащимъ образомъ“.

Получивъ это предложеніе, исп. дол. губернатора просилъ преосвященнаго и управляющаго Пензенскою Удѣльною Конторою увѣдомить его, по какимъ именно селеніямъ обнаруживается духоборческая секта и кто главные зачинщики. На это управляющій Удѣльною Конторою сообщилъ, что удѣльные крестьяне духоборческой секты, живущіе въ селлахъ Покровскомъ, Наровчатской округи, и Михайловскомъ, Краснослободской, еще въ 1809 году просили дозволенія переселиться, въ числѣ 27 душъ, въ Таврическую область въ Мелитопольскій уѣздъ къ единовѣрцамъ ихъ тамъ обитающимъ, но разрѣшенія на то не послѣдовало. При этомъ управляющій представилъ прошенія крестьянъ-духоборцевъ о дозволеніи имъ переселиться и приложилъ именной списокъ всѣхъ желающихъ, изъ котораго видно, что изъявило желаніе на переселеніе девять семействъ, изъ 27 душъ мужскаго пола и 24 женскаго; кромѣ того обнаружено въ вышеозначенныхъ селлахъ 8 семействъ, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ, но не изъявившихъ желанія на переселеніе.

Вступившій въ это время въ должность Пензенскаго гражданскаго губернатора Михайлъ Михайловичъ Сперанскій, усмотрѣвъ изъ дѣла, что

на переселеніе крестьянъ нѣтъ еще согласія Министерства Удѣловъ, сообщилъ о томъ начальнику Департамента Удѣловъ Дм. Алекс. Гурьеву, при чемъ имъ было высказано его мнѣніе и его взглядъ, какъ слѣдуетъ поступить съ сектантами. Это мнѣніе приводимъ дословно.

„Требованіе преосвященнаго было удалить пять человѣкъ зачинщиковъ раскола изъ селенія. Князь Александръ Николаевичъ (Голицинъ) назначилъ мѣстомъ удаленія ихъ Молочныя Воды, военный генералъ-губернаторъ утвердилъ тоже. Какъ скоро мѣра сія, по зависимости крестьянъ отъ Министерства Удѣловъ, получила бы ваше одобреніе, тогда къ приведенію ея въ дѣйствіе оставалось бы: 1) удостовѣриться слѣдствіемъ, какъ то предлагаетъ и преосвященный, точно ли пять человѣкъ, поименованныхъ священникомъ, суть зачинщики раскола, и потомъ 2) переселить ихъ, не смотря на ихъ желаніе или отрицаніе. Правящій здѣсь должность губернатора, предсѣдатель Войцеховичъ, сообщилъ только вошедшія къ нему бумаги, не назначивъ никакого образа исполненія; а Контора, чрезъ удѣльный приказъ, предложила духоборцамъ вопросъ: кто изъ нихъ желаетъ перейти на Молочныя Воды? вмѣсто пяти явилось желающихъ 27 человѣкъ мужскаго и 24 женскаго пола, и вмѣсто наказанія мѣра сія получила уже видъ нѣкотораго поощренія: ибо правительство, переселяя сихъ людей на Молочныя Воды, исполняетъ только то, что они сами желаютъ и просятъ“.

„Теперь, чтобы обратиться къ первоначальному вопросу, чтобы исполнить требованіе преосвященнаго и мнѣніе князя Александра Николаевича въ томъ разумѣ, въ коемъ оно предполагалось, надлежитъ зачинщиковъ раскола, удостовѣривъ прежде слѣдствіемъ (ибо показаній одного священника по сему недостаточно) сослать, но не туда уже, куда они сами желаютъ, а въ другое какое либо мѣсто, куда благоугодно будетъ назначить. Впрочемъ, куда бы сіи пять человѣкъ ни были сосланы, по количеству людей, расколу сему преданныхъ, и имѣю все причины сомнѣваться, чтобы мѣра сія произвела какое либо дѣйствіе. Я знаю одно только средство къ уничтоженію раскола; оно состоитъ въ томъ, чтобы *въ приходы имъ зарожженные опредѣлять священниковъ примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ, непритязательныхъ и обезпеченныхъ въ ихъ содержаніи“*.

Д. А. Гурьевъ увѣдомилъ Сперанскаго, что министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, къ которому князь Голицинъ обращался по настоящему дѣлу, сообщилъ ему свое мнѣніе, которое мы и приводимъ въ подлинникъ, какъ ясно выражающее взглядъ на сектантовъ высшаго правительства того времени *).

„Г. тайный совѣтникъ князь А. И. Голицинъ препроводилъ ко мнѣ въ подлинникъ отношеніе вашего высокопревосходительства къ нему, вмѣстѣ съ таковымъ же, послѣдовавшимъ къ намъ отъ Пензенскаго гражданскаго

*) Козодавлевъ, учившійся въ Лейпцигѣ, товарищъ Радицева, былъ человѣкъ весьма ограниченаго ума. Его можно назвать политическимъ Маниловымъ. П. Б.

губернатора, касательно переселенія на Молочныя Воды въ Таврическую губернію нѣкоторыхъ удѣльныхъ крестьянъ, присоединившихся къ такъ называемой духоборческой сектѣ. Онъ отнесъ сіи бумаги на мое разсмотрѣніе по причинѣ извѣстнаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы дѣла упомянутаго рода людей, находящихся на Молочныхъ Водахъ, подъ названіемъ Мелитопольскихъ поселенцевъ, были вѣдомы во внутреннемъ министерствѣ“:

„Разбирая сіе дѣло въ духѣ истиннаго христіанства и соображаясь съ мыслями и правилами въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества указѣ, отъ 9 минувшаго Декабря, на имя Херсонскаго военнаго губернатора изображенными, нельзя не признать основательнымъ мнѣніе объ упомянутыхъ удѣльныхъ крестьянахъ со стороны г-на оберъ-прокурора Св. Синода“.

„Извѣстно, что стѣсненіе въ дѣлѣ совѣсти, колыми паче принудительное требованіе переменны мыслей во вкусѣ и строгія притомъ истязанія, суть не только противны духу христіанства, но и бесполезны. Божественное ученіе Христа Спасителя и Его апостоловъ свидѣтельствуетъ непреложнымъ образомъ, что обращеніе заблуждающихъ на путь правый должно производить духомъ кротости и любви. Безчисленные же примѣры въ исторіи церковной и въ самыхъ происшествіяхъ съ сими такъ называемыми духоборцами показываютъ ясно бесполезность всѣхъ жестокихъ и насильственныхъ мѣръ строгости. Да и какъ можно ожидать, чтобы сіи, или другіе отпадшіе отъ православной церкви, пожелали и рѣшились искренно обратиться къ ней, когда видятъ, что мы, считающіе себя вѣрными сынами оной, водимся не духомъ Главы ея, Пастыри добраго, Который, остави все, идетъ со тщаніемъ искать и одной овцы погибшей, но водимся духомъ противничьимъ, ищущимъ не спасти, но погубить и терзать! По истинѣ, сіи заблужденные люди скорѣе почтутъ себя за мучениковъ правой вѣры, нежели согласятся отступить отъ своего образа мыслей о религіи и присоединиться къ церкви, коей приверженцы поступаютъ столь несогласно съ ученіемъ Христовымъ. И такимъ образомъ строгія и насильственныя мѣры съ отпадшими отъ православной вѣры нашей обратятся къ безславію и поруганію ея, равно какъ и вообще христіанской религіи“.

„Все сіе ведетъ къ заключенію, что дѣйствительно лучшее и единственное средство въ нынѣшнемъ случаѣ, относительно поминутыхъ удѣльныхъ крестьянъ, есть то, какъ и князь Николаевичъ полагалъ, чтобы пятерыхъ зачинщиковъ изъ нихъ въ прилѣпленіи къ той сектѣ, препроводить на Молочныя Воды; но сіе никакъ не въ видѣ ссылки, или наказанія, какъ Пензенское мѣстное начальство полагало, и безъ всякаго слѣдствія, которое оно думало произвести и которое въ семъ случаѣ нимало неприлично, а для соединенія токмо съ ихъ собратіями, одинаково съ ними мыслящими. Сіе тѣмъ приличнѣе будетъ, что на поселеніе сего рода людей на Молочныхъ Водахъ изъявлена уже и Высочайшая Государя Императора воля. Затѣмъ изъ числа прочихъ прилѣпившихся къ той же сектѣ

удѣльныхъ крестьянъ отправить на Молочныя Воды только тѣхъ, кои сами сего пожелаютъ, но никакъ не принуждать къ такому переселенію. Переселеніе же произвести по сношенію съ г. Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, коему вообще подобныя поселенцы Мелитопольскіе, упомянутымъ выше указомъ, поручены въ собственный и ближайшій его надзоръ и попеченіе. Они должны принять участіе въ тѣхъ же мѣрахъ сношенія и покровительства законовъ, каковыя предоставлены прочимъ ихъ собратьямъ“.

„Въ разсужденіи остающихся на мѣстѣ въ Пензенской губерніи таковаго рода людей, можно весьма съ пользою употребить средство предполагаемое г. Пензенскимъ губернаторомъ, т. е. „въ тѣ приходы, гдѣ они находятся опредѣлить священниковъ примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ, испритязательныхъ и обеспеченныхъ въ ихъ содержаніи“. Цѣль сего очевидна, ибо другихъ качествъ священники скорѣе отвратятъ отъ православной церкви, нежели привлекутъ къ оной; къ тому же и примѣръ собственныхъ христіанскихъ поступковъ и образа жизни священниковъ болѣе нежели что другое, можетъ подѣйствовать съ пользою на умы ослабленныхъ“.

„Я всегда и прежде былъ того мнѣнія, что любовь есть твердѣшее или, паче сказать, единственное основаніе, на коемъ всѣ дѣянія правительства, даже и въ гражданскомъ быту, должны состоять“.

Д. А. Гурьевъ изъявилъ полное согласіе съ мнѣніемъ О. П. Козодавлева, почему сей послѣдній просилъ Сперанскаго содѣйствовать, „дабы кроткими мѣрами, безъ всякаго принужденія и изысканія, скорѣе окончено было начатое по удѣльному и губернскому начальству дѣло о сихъ людяхъ и опредѣлено было число крестьянъ, кои пожелаютъ переселиться къ собратьямъ ихъ на Молочныя Воды въ Таврическую губернію и на какомъ основаніи могутъ они сдѣлать сіе переселеніе“.

Сперанскій, 6 Марта 1817 г., просилъ министра внутреннихъ дѣлъ отсрочить исполненіе этого дѣла на два мѣсяца, такъ какъ онъ затрудняется „выборомъ способнаго чиновника и считаетъ неудобнымъ передавать дѣло обыкновенному дѣйствию земской полиціи, въ Маѣ же мѣсяцѣ лично на мѣстѣ я буду въ состояніи, занявшись симъ дѣломъ, войти во всѣ его обстоятельства. Отсрочка сія будетъ полезна и потому, что во всѣхъ случаяхъ переселеніе сихъ крестьянъ не можетъ лучше и удобнѣе быть произведено, какъ осенью, т. е. когда, сжавъ посѣянный ими хлѣбъ и не издержавъ уже на новый посѣвъ озимаго, будутъ они въ состояніи безъ разстройства предпринять путешествіе. Время же отъ весны до осени достаточно будетъ, чтобы и со стороны начальства учредить ихъ переселеніе со всевозможнымъ соблюденіемъ ихъ выгодъ“.

Отвѣта на это представленіе Сперанскій не получилъ, а предположенная имъ поѣздка по губерніи была отложена до осени. Въ Октябрѣ

1817 г. Сперанскій писалъ Козодавлеву: „Нынѣ, проѣздомъ въ г. Краснослободскъ для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ, нарочно заѣзжалъ я, вмѣстѣ съ управляющимъ Удѣльною Конторою, въ г. Троицкъ, куда вызваны были и крестьяне духоборческой секты. Изъ 9 желавшихъ прежде переселенія на Молочныя Воды нынѣ объявили къ тому намѣреніе всего 6 семействъ, состоящихъ изъ 15 душъ мужскаго и 19 женскаго пола. Прочіе изъявили желаніе остаться на прежнемъ жительство. Переселяются они на своемъ собственномъ счетѣ. Переходъ могутъ сдѣлать не прежде какъ по наступленіи будущей весны, ибо до выхода должны здѣсь распродать дома, хлѣбъ и прочее. Одною изъ своихъ намѣреваются они послать впередъ для осмотра назначенныхъ имъ мѣстъ и для посѣва. Вслѣдствіе сего я нынѣ же сообщилъ г. Таврическому губернатору, прося его сдѣлать благовременно распоряженія къ принятію и водворенію тамъ переселенцевъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ Сперанскій просилъ управляющаго Удѣльною Конторою сдѣлать распоряженія къ переселенію, и крестьянамъ-духоборцамъ оставалось только двинуться съ мѣста. Но переселеніе было внезапно оставлено. 26 Октября того же года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ губернатору, что „при переселеніи изъ Финляндіи подобныхъ духоборцевъ въ Таврическую губернію, для совокупнаго водворенія съ собратіями ихъ тамъ живущими, по журналу Комитета Министровъ 3-го Апрѣля сего года послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе, дабы кромѣ сихъ переселенцевъ впродъ духоборцевъ изъ другихъ мѣстъ, переводимыхъ въ селенія Мелитопольскія, не прибавлять: то и считаю я, что за сими всѣ предпринятія мѣры на счетъ перевода изъ вѣтренной вашему превосходительству губерніи означенныхъ духоборцевъ удѣльнаго вѣдомства должны быть отмѣнены“. „Я сообщилъ о семъ и министру удѣловъ съ тѣмъ, что если бы уже не можно сихъ людей оставить на настоящемъ мѣстѣ жительства, то увѣдомилъ бы меня, куда бы удобнѣе ихъ перевести; васъ же покорнѣйше прошу учинить зависяція отъ васъ распоряженія, дабы означенные переселенцы не приступали къ распродажѣ своего имуществва и не дѣлали никакихъ приготовленій къ предпріятію переселенія“.

Получивъ это предписаніе, Сперанскій просилъ управляющаго Удѣльною Конторою объявить крестьянамъ это распоряженіе, „отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, дабы не подумали они, что мѣстное начальство по своей волѣ затрудняетъ ихъ переселеніе“.

Управляющій Удѣльною Конторою, какъ видно изъ переписки, затруднился объявить распоряженіе министра духоборцамъ, а вытребовалъ трехъ изъ нихъ въ Пензу и представилъ къ Сперанскому, который лично и объявилъ имъ отмѣну ихъ переселенія и по этому поводу писалъ министру слѣдующее: „Объявленіе сіе они приняли не токмо безъ огорченія, но и съ благодарностію, потому что желаніе ихъ къ переселенію охладѣло съ того

времени, такъ какъ по распоряженіямъ и подтверженіямъ моимъ и въ настоящемъ ихъ жительство ограждены они отъ всякаго стѣсненія. По сему, кажется, и со стороны удѣльнаго начальства не нужно уже будетъ дальнѣйшихъ распоряженій, и дѣло сіе можно считать совершенно оконченнымъ“.

Министерство Удѣловъ съ своей стороны высказало такое мнѣніе, что такъ какъ „число желающихъ переселиться составляетъ не болѣе шести семей, то и не можно сдѣлать имъ назначенія къ переселенію на удобнѣйшія для нихъ мѣста въ другихъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что и на настоящемъ жительство они ведутъ жизнь спокойную и въ повинностяхъ исправны“.

Но дѣло о переселеніи духоборцевъ этимъ не кончилось. Въ началѣ 1819 года съ ихъ стороны снова были возобновлены просьбы о разрѣшеніи имъ переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи, и ими былъ представленъ приговоръ отъ жителей разныхъ духоборческихъ слободъ Мелитопольскаго уѣзда, что они согласны принять Покровскихъ и Михайловскихъ крестьянъ духоборческой секты „въ свое сословіе, на всегдашнее жительство“. Сперанскій поручилъ управляющему Удѣльною Конторою лично разслѣдовать причину возобновленія просьбъ о переселеніи со стороны духоборцевъ. Управляющій уведомилъ губернатора, что онъ лично разспрашивалъ крестьянъ-духоборцевъ, каждаго порознь, и они ему объявили, что „переселенія сего просятъ не по притѣсненіямъ Покровскихъ обывателей или сельскихъ начальниковъ, ни по другимъ какимъ-либо особеннымъ причинамъ, но единственно только потому, что они, неотступно держась своей секты, желаютъ удалиться отъ здѣшнихъ своихъ обывателей для совмѣстнаго житія съ своими товарищами, подобными имъ духоборцами, во многочисленномъ числѣ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ жительствоющими.

Сперанскій, вѣдѣтвіе сдѣланнаго запрещенія подобныхъ переселеній, отказалъ въ просьбѣ духоборцевъ, и остались они жить на своихъ старыхъ мѣстахъ.

Н. Евграфовъ.